

27. *Karlinsky S.* The sexual labyrinth of Nikolaj Gogol. – Cambridge; Massachussets, London. – 1976.

28. *Kolessa F.* Demonological Figures in Ukrainian Folklore // Ukraine. A Concise Encyclopedia. – University of Toronto Press, 1963. – P. 347.

29. *Mc. Lean H.* Gogol's retreat from love: Toward an interpretation of "Mirgorod" // American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. – Gravenhage, 1958. – P. 1-20.

30. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: В 7 т. – Москва, 1976-1979. – Т. 2.

Семен Абрамович

Отрывок «Девуцы Чабловы»: погибший эмбрион социально-психологического романа

Девуцы Чабловы, дочери бедных родителей, выжили вместе из института в одно время и вдруг очутились среди света, огромного, великого, со страхом и робостью в душе. Они были умны; каким образом они сделались умны – никто не знал, может быть, это было внушено им от рождения как инстинкт, или, может быть, они умели извлечь крупицы опытности и здравого смысла из книг, которые им удалось читать, из которых не всякий умеет извлекать что-либо. Дело в том, что они задумались о своем существовании, и в то время, когда ветренная и малодушная бросается на свет без рассмотрения, как бабочка на свечу, они уже захотели сделать для себя план жизни и предначертать заранее для себя самих правила, в законах которых обращалась бы их жизнь. – Вещь совершенно необыкновенная в девуцах осьмнадцатилетних [I, III, 418–419].

Этот фрагмент является «наброском нереализованной повести, над которой Гоголь, по-видимому, работал в 1839 г.» [I, III, 501]. Если так, то стилистически он однороден с другим, значительно более ранним фрагментом – «рудокопов» (1835), который остался нереализованным замыслом повести о «новом человеке» – капиталисте-предпринимателе. Зато «Девуцы Чабловы» представляют стилистически разительный контраст с написанным в том же 1839 году автобиографическим наброском «Ночи на вилле», в котором Гоголь дал волю своему чувству к умирающему юноше И.М. Виль-

егорскому. В «Ночах на вилле» слились нераздельно гомосексуальный порыв, весьма небрежно замаскированный под карамзинский мотив «нежной дружбы» [2], и пресуществляющий чувственность мистический мотив Пасхальной жертвы, навеянный атмосферой Рима [3]: весьма характерная для Гоголя, всю жизнь раздирающая его сознание дихотомия. И если в «Ночах на вилле» покрывало литературного этикета скомкано – мы как бы слышим живой голос и прерывающееся дыхание реального автора, то «Девушки Чабловы», напротив, явственно возникли в русле крепнущей, общепринятой литературной установки на социально-психологический анализ. Гоголю, чтобы нравиться публике, нужно было продолжать линию «петербургских повестей». Достаточно массовый уже просвещенный читатель жаждал поучительного развлечения. Ведь следовать за пируэтами в эмпиреях залетевшего с Запада Пегаса, как во времена классицистов и романтиков, становилось скучновато. Чтение отечественных душевспасительных книг кануло в Лету: духовники-церковники были уже положительно нетерпимы. Узнавать же себя в изображенных известным автором фигурах, получать писательские оценки за свое поведение, ощущать себя частью литературы, а литературу – частью своего обывания, – становилось весьма увлекательно. Так сказать, и живешь себе своей обычной человеческой жизнью, и писатели о тебе пишут, тебя изучают: лестно! На это нацеливали и властители умов, прогрессивные критики, задававшие тон в толстых журналах (Гоголем, впрочем, не любимых).

Однако Гоголь с этой задачей – как бы походя – справился. Вскорости, с легкой руки Чернышевского, именно Гоголь будет оглашен главою направления, которое охранители традиций поносили как «разгребание грязи» и которое самому отцу-основателю явно окажется, так сказать, по щиколотку.

Гоголя, выпрэнно, но абсолютно искренне заявлявшего: не дело поэта мешаться в мирской рынок! – явно не вдохновляла особенно ни избранная в качестве объекта художественного изображения натура, ни, в конечном итоге, «растиньяковская» тема человека, который «сам себя сделал». Мне уже случилось писать о фрагменте «Рудокопов», в котором центром внимания стал подобный характер: замысел точно так же остался нереализованным, скучным для Гоголя; он вяло возродится в постных фигурах капиталистов из второго тома «Мертвых душ», совершенно честным путем наживающих миллионы [4]. Гоголь, воспитанный на бароч-

ной эстетике, стремился к высокой поэме, к монументальному и панорамному жанру, способному охватить диалектику земного и небесного, комического и трагического, страстей и спасения.

Кроме того, любому проницательному читателю очевидно, что если Гоголю случалось писать о Женщине (коли она не какая-нибудь Агафья Тихоновна), то непременно в итальянско-«брюлловском» ключе, весьма возвышенно, распространено и – увы – безнадежно неискренне и риторически. Положа руку на сердце, есть ли в самом деле плоть и кровь в гоголевской Аннуцианте? Право, в облике проститутки из «Невского проспекта», мимоходом попавшей в писательский окуляр, куда больше огня (адского, разумеется): «Женщина довольно недурной наружности встретила их со свечою в руке, но так странно и нагло посмотрела на Пискарева, что он опустил невольно свои глаза» [1, III, 22]. На пропасти между «идеалом Мадонны и идеалом Содомским» как раз и строится изображение трагедии Пискарева, увидевшего, по невинности своей, в уличной фее романтический идеал Женщины.

Кажется, трудно вообразить что-либо, менее вдохновлявшее писателя, чем процесс «выбивания в люди» двух неприметных институток. Словом, повесть положительно «не пошла».

Я бы рискнул заметить, что «Девицы Чабловы» начаты как бы с некоторым отвращением, не говоря о том, что брошены на первом абзаце. И начаты «с чужого голоса». Отрывок насыщен отзвуками устаревших и на глазах устаревающих к исходу третьего десятилетия XIX века стилей.

«Девицы Чабловы, дочери бедных родителей (сентименталистский штамп) [5] вышли вместе из института в одно время (романтическая ситуация двойничества) и вдруг очутились среди света, огромного, великого, со страхом и робостью в душе» [а это уже слог «новой», риторической проповеди, сформировавшейся в просвещенные времена Ф. Прокоповича и св. Димитрия Ростовского].

Далее следует более монолитный по стилю пассаж, но стиль этот заимствован из просветительского романа воспитания, с его культом разума и воли. Судя по всему, девицы Чабловы должны были выжить «в огромном и великом свете», как Робинзон Крузо на своем острове, извлекая посредством разума несомненную пользу из всякого злака, произросшего на пути их:

«Они были умны; каким образом они сделались умны – никто не знал, может быть, это было внушено им от рождения как инстинкт, или, может быть, они умели извлечь крупинцы опытности и здравого смысла из книг, которые им удалось читать, из

которых не всякий умеет извлекать что-либо. Дело в том, что они задумались о своем существовании, и в то время, когда ветренная и малодушная бросается на свет без рассмотрения, как бабочка на свечу, они уже захотели сделать для себя план жизни и предначертать заранее для себя самих правила, в законах которых обращалась бы их жизнь. – Вещь совершенно необыкновенная в девицах осьмнадцатилетних».

На этом начатая вещь, как мы уже знаем, обрывается. Похоже, самому автору сделалось тошно.

Тем не менее, льва узнают по когтям. В «Девичах Чабловых» проблескивает нечто значительно более крупное, чем история преуспевших сестер-институток. Пусть Гоголь примеряет на себя роль поучающего и развлекающего говоруна, как примерял девичий кокошник, изумивший нечаянно вошедшего Аксакова: последний, помним, оробел и ушел: что-то уж слишком значительное было во всем облике и выражении лица юродствующего гостя. Не станем вот так сразу уходить.

Во-первых, не надо напоминать, что старый прием «говорящей фамилии» у Гоголя все еще эффективно работает. *Чабловы* же – фамилия явно не русская, скорее уж немецкая, судя по характерному суффиксу (ср. *Радлов*). В немецком же языке есть многозначное слово *Schabe* – таракан (существуют и добавочные значения: *скребок*; *чесотка*; ряд, откровенно говоря, семантически весьма выразительный). Но тогда – почему *III* заменилось на *Ч*? Хотя Гоголь, случалось, транскрибировал чужезычные звуки весьма непринужденно (скажем, англ. *cheorl* в «Альфреде» у него превратилось в *сеорл*), с немецким писателем был знаком неплохо. Видимо, озорная ассоциация героинь, пробивающих себе снизу дорогу в жизнь, с тараканами выглядела уж слишком издевательски, отчего и появилось невинное немецко-обрусевшее имя *Чабловы*.

Вместе с тем, в наброске о двух «таракашках» проступает известная необычность масштаба изображения. Она намечается уже в том, что жизнь должна будет пасть к ногам не Растиньяка и даже не Чичикова, а беззащитных в начале своего житейского пути сестер. Как в сказке: побеждает слабейший. Гоголя должна была привлекать такая расстановка приоритетов: она отвечала духу Евангелия. Но роль «Мне отмщение, и Аз воздам» осталась чуждой писателю, всерьез культивирующему в своей душе христианское смирение. Видимо, ощутив себя перед перспективой воздать по заслугам умным и преуспевшим сестрам, Гоголь увидел в ситуации некую фальшь и несоответствие. Диккенс, пожалуй, не

смутился бы подобными вещами: его Дэвид Копперфилд и Оливер Твист, победно выплывшие из тьмы низких истин, несомненно, суть английские кузены девиц Чабловых, вполне заслужившие свое финальное преуспеяние.

Наконец, отметим еще раз уже упомянутый мотив двойничества, который в романтической системе весьма часто маркировал скрытый эротизм и служил намеком на вещи, о которых говорить не было принято (кто тут должен был предстать: просто сестры? сестры-близнецы? [6]). Замкнутое пространство мира девиц Чабловых, противостоящих всему свету, должно было интриговать Гоголя: не так ли точно противопостоят «граду и миру» Автор и умирающий юноша Вильегорский в «Ночах на вилле»? Однако – «как прикажешь изобразить сии штуки?» (Чехов). И эту линию развернуть, по условиям тогдашних представлений о должном и возможном, нельзя было положительно никак.

Дух Гоголя рвался из тенет обыденности, пошрое житейское нравоучение тяготило его. Однако и развернуть во всей полноте свои понятия о мире и человеке ему было, по очевидным причинам, трудно.

Набросок «Девицы Чабловы» остается любопытным эскизом, позволяющим заглянуть в творческую лабораторию Гоголя и представить его духовную стесненность в рамках своего века еще более выпукло.

Примечания:

1. *Гоголь Н.В.* Собрание художественных произведений: В 5 томах. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 5. – 502 с.

2. Об этой стороне натуры Гоголя достаточно говорилось, в частности, в зарубежных исследованиях, и мы не находим нужным разворачивать здесь данную тему, в общем-то, уводящую скорее в сторону, нежели что-то особо существенное добавляющую.

3. *Михед П.В.* Рим у творчій свідомості Гоголя // Науковий вісник Чернівецького торговельно-економічного інституту КНТЕУ. Гуманітарні науки: Філологія. Вип. 2–3.– Чернівці: ЧТЕІ КНТЕУ, 2005. – С. 123-135.

4. *Абрамович С.* Фрагмент «Рудокопов»: попытка інтерпретації // VIII Гоголівські читання: Матеріали міжнародної наукової конференції (Полтава, 5-6 квітня 2006 р.). – Полтава: Вид-во Полтавськ. держпедуніверситету ім. В. Короленка, 2006.– С. 102-105.

5. Штампу этому, впрочем, суждено было плодоносить и у Достоевского, и у позднейших писателей; особенно же расцвел он,

согласимся, в советской литературе, с ее вниманием к социальному происхождению персонажа.

6. Как ни рискованно делать столь порочные предположения, отметим, что во второй половине XIX – начале XX веков инцест между братьями и сестрами становится весьма «звучащей» темой в русской культуре. Скажем, из обнародованных сегодня материалов недвусмысленно явствует, что величайший русский композитор XIX ст. растлил в юности всех своих единокровных братьев. Проза Брюсова, Кузмина и, особенно, Розанова часто отражает в этом отношении высвобождение импульсов, возможно, волновавших и Гоголя. Все это обусловлено строем городской культуры эпохи, впоследствии породившей фрейдизм.

Анатолий Кошелев

Гоголь и А.О. Смирнова: обстоятельство знакомства (по «Запискам А.О. Смирновой»)

«Записки А.О. Смирновой (из записных книжек 1826 –1845 гг.» – один из спорных мемуарных документов. Подложность их была вроде бы доказана после первого издания: автором этого документа была признана не известная мемуаристка, а ее дочь, О.Н. Смирнова. Однако в настоящее время интерес к ним возрос, подогретый, с одной стороны, уже двукратным изданием «Записок...» за последние пять лет [1], с другой – мнением некоторых исследователей, все-таки склонных воспринимать эти мемуары как частично достоверные, но подвергнутые позднейшим добавлениям [2].

Один из спорных вопросов, касающихся «Записок...», – вопрос об обстоятельствах знакомства Смирновой и Н.В. Гоголя.

А.О. Смирнова в своих воспоминаниях неоднократно признавалась, что не помнит, в каком году, где и как она познакомилась с Гоголем [3]. Предположительно их знакомство относят к лету 1831 года, когда они встречались в Царском Селе: тогда Гоголь подарил экземпляр только что вышедших «Вечеров на хуторе близ Диканьки» «Розетты с сентиментальной надписью» (см. в письме Гоголя к В.А. Жуковскому от 10 сентября 1831 г.) [4].

В «Записках А.О. Смирновой» подробно изложена история их знакомства: оно произошло в «два этапа»: сначала Александра Осиповна увидела Гоголя-учителя у Балабиных (Гоголь, как известно, учил одно время Марию Балабину, дочь генерала).